

12. Врахування рентабельності у вартості платних медичних послуг URL: <https://i.factor.ua/ukr/journals/bb/2013/september/issue-35/article-75810.html>

13. Михальчук В.В. Економічне обґрунтування впровадження нових медичних технологій в охороні здоров'я. *Економіка охорони здоров'я*. №1(61). 2016. С. 45-49

14. Офіційний сайт Клініки «Борис». URL: <http://boris.kiev.ua/images/BorisPrice.pdf>

15. Офіційний сайт Дніпровського медико-хірургічного центру ім. Н. І. Пирогова URL: <https://pirogov-clinic.com.ua/services/operativnaya-khirurgiya/operatsii-na-kishechnike/>

16. Швед В., Юрчишина Л., Шевченко І. Ціна як економічна категорія. *Регіональна бізнес-економіка та управління*. №4. 2015. С. 88-94

17. Швед В.В. Економічний механізм формування контрактних імпортерських цін підприємств на споживчі товари: дис. канд. екон. наук: 08.00.04. Хмельницький, 2008. 198 с.

18. Швед В.В. Про основні теоретичні засади формування контрактних імпортерських цін підприємств на споживчі товари. *Вісник Хмельницького національного університету*. Серія: Економічні науки. №3. 2010. С. 213-215

Наумов Д.І., к.соц.н., доцент,

Білоруський державний економічний університет,

м. Мінск, Республіка Білорусь

Швед В.В., к.е.н., доцент,

професор кафедри бізнесу і права,

Вінницький інститут Університету «Україна»

ORCID: 0000-0001-5497-0975

Міхайлік Ф.В.,

Білоруський державний економічний університет,

м. Мінск, Республіка Білорусь

КАЧЕСТВО И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

QUALITY AND LIFE OF YOUTH IN THE CONTEXT OF SOCIAL PRACTICES

Аннотация. В статье рассматривается сущность понятия «социальные практики», анализируется ее применяемость в рамках характеристики уровня и качества жизни молодежи.

Ключевые слова: социальные практики, уровень жизни, качество жизни, молодежь

Abstract. The article examines the essence of the concept of “social practices”, analyzes its applicability in the framework of characterizing the level and quality of life of young people.

Keywords: social practices, standard of living, quality of life, youth.

Постановка проблеми. Проблематика теоретического описания и социологического измерения качества и уровня жизни молодежи имеет как актуальное теоретическое, так и прикладное значение. В первом случае актуализируется вопрос о соотношении ресурсной базы, институциональных факторов и социокультурных детерминант в конструировании социального пространства жизнедеятельности молодежи, во втором случае – о теоретических подходах к измерению уровня и качества жизни молодежи, релевантных социальному контексту и нормативным ожиданиям в отношении социального поведения. В теоретическом аспекте это ориентирует на оценку опыта теоретической концептуализации и измерения уровня и качества жизни, как соотносительных параметров, а также предполагает определение и характеристику концептуальных оснований субъективной удовлетворенности уровня и качества жизни молодежи, адекватных современным реалиям развития общества.

Анализ основных исследований и публикаций. В современном социогуманитарном знании проблематика социологического измерения и теоретического описания качества и уровня жизни молодежи, если её условно редуцировать только к одной значимой детерминанте, может быть рассмотрена сквозь призму потребления материальных и нематериальных благ, оцениваемому индивидом в континууме ретроспективных и проективных оценок. В этом случае категория «уровень жизни», рассматриваемая в отношении молодежи, будет характеризовать потребление благ (продукты питания, одежда и обувь, товары текущего и долговременного пользования и пр.) и услуг (бытовые услуги, образование, отдых и развлечения и др.), направленных на удовлетворение основных жизненных потребностей молодых людей.

Однако качество жизни представляет собой более сложный конструкт, который по-разному интерпретируется в рамках различных научных дисциплин, школ и направлений [1]. Так, для философского дискурса характерно установление диалектической связи между духовностью человека и индивидуальным качеством жизни, в результате чего данный феномен рассматривается сквозь призму гуманизма, добродетели, морального совершенствования, справедливости, интеллигентности и др. (в первую очередь, такая трактовка присуща работам таких философов, как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, А.С. Хомяков, А.И. Субетто и др.); для экономического дискурса – выявление характера воздействия экономического роста на качество жизни индивида и социум, а также рассмотрение качества жизни в качестве фактора распределения ограниченных экономических ресурсов государством в обществе (Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, А. Тоффлер, Е.Ф. Прокушев и др.); для юридического дискурса – установление роли

законодательства и правоприменительной практики в определении качества жизни индивида и социальных групп (А. де Токвиль, В. Вильсон, Д. Горовитц, Г. Дрюри, Дж. Маджоне и др.); для политологического дискурса – выявление роли качества жизни в определении параметров оптимального режима соблюдения прав и свобод человека, эффективности государственного управления, обеспечения индивидуальной и общественной безопасности (Г. Алмонд, С. Верба, Р. Инглихарт, Ч. Тилли и др.); для психологического дискурса – выявление роли индивидуальных и групповых психологических факторов в определении качества жизни индивида через удовлетворение потребностей человека, а также посредством установления коммуникативных связей и формирования идентичностей (Э. Аллард, Р. Кантор, А. Кэмпбелл, Т. Логотетти, А. Маслоу, А. Мишел, А. Тодоров, С. Юханссон и др.); для экономико-географического дискурса – выявление характера влияния территориальных условий на качество жизни населения (О.Г. Дмитриева, Д.В. Доленко, М.Н. Межевич, М.Ю. Присяжный, Б.С. Хорев и др.).

Множественность теоретических интерпретаций качества жизни можно свести к двум основным подходам – объективному и субъективному. В первом случае абсолютизируется роль социальных структур в функционировании общества, поэтому качество жизни рассматривается как производная макроэкономической деятельности различных акторов и социально-экономической политики государства, обусловливаемых характером управленческих решений и экономической практики. Соответственно, для оценки качества жизни используется комплекс макроэкономических показателей (структура населения, соматическое и социальное здоровье населения, уровень образования взрослого населения, характеристики трудовой деятельности и активности, число браков и разводов, уровень доходов и т.д.), которые используются при «расчете совокупности частных индикаторов и сведении их в интегральный индекс с преимущественно равномерным распределением весов между частными показателями» [2, с. 31]. Во втором случае на первый план выводится индивидуум, которому атрибутируется основополагающая роль в социальной жизни, а не каким-либо институционализированным группам, поэтому феномен качества жизни рассматривается сквозь призму индивидуальных оценок и общественного мнения. Соответственно, качество жизни формируется, проявляется и изменяется в процессе деятельности людей, объединенных в различные сообщества (профессиональные, политические, территориальные и т.д.), которые конституируют определенную социальную реальность в конкретно-историческом времени на основе многообразных и нелинейных социальных взаимосвязей и взаимодействий. В рамках данного подхода преимущественно «используются результаты социологических опросов граждан или экспертов в определенной отрасли, а расстановка весовых коэффициентов частных показателей при расчете интегрального индекса базируется на экспертных оценках» [2, с. 31]. Если в рамках объективного подхода категория «качество жизни» фактически отождествляется с такими понятиями, как «уровень жизни» и «уровень благосостояния», то в рамках субъективного подхода – с понятиями «образ жизни» и «уровень счастья». В

принципе, в реальной практике целесообразно комбинированное применение обоих подходов, что позволяет существенно расширить систему показателей для расчета качества жизни.

В целом, категория «качество жизни» выступает как «комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе» [3, с. 34].

Однако в отношении различных социально-демографических групп проблематично говорить об универсальности проявления и измерения качества жизни, что актуализирует молодежный контекст рассмотрения данного проблемного поля. В данном случае молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупных возрастных характеристик и особенностей социального положения, обусловленных различными социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества. Для представителей данной группы характерны специфические возрастные, социально-психологические свойства, ценности и смысложизненные установки, особая субкультура, особенности социального поведения и т.д. Она выступает как наиболее динамичная часть современного общества, которая рассматривается в качестве важнейшего социального ресурса в деле обеспечения социально-экономического и научно-технического развития страны. Характерной особенностью данной социально-демографической группы является постоянная подвижность и изменчивость в структурном и социокультурном аспектах, что актуализирует в методологическом и методическом ракурсах проблему измерения уровня и качества жизни молодежи.

В целом, такой социальный феномен, как качество жизни молодежи, можно рассматривать как синтез объективных и субъективных факторов и параметров (состояние и динамика макросоциальных процессов, характер вторичной социализации, выбор мировоззренческих ориентиров и ценностных ориентаций). Соответственно, в категориальном аспекте под качеством жизни молодежи может пониматься комплексная характеристика, отражающая объективно существующие параметры уровня жизни и удовлетворения потребностей в непосредственно неоплачиваемых благах, а также субъективное восприятие степени удовлетворения всего спектра потребностей в конкретный период времени в обществе.

Целью данной статьи является определение эвристического потенциала концепта «социальные практики» для характеристики уровня и качества жизни молодежи.

Изложение основного материала. Категория «социальные практики» в современном социально-гуманитарном знании является одним из самых популярных понятий, что свидетельствует о превращении такого феномена, как мир

повседневности, в востребованный предмет междисциплинарных исследований. Многие известные исследователи внесли свой вклад в концептуализацию мира повседневности, основанного на привычных смыслах и действиях, в самостоятельную область исследований в самых разных областях науки. В результате в науке сформировался новый методологический подход к исследованию общества, в котором свои трактовки понятия «социальные практики» предложили Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Э. Гидденс, К. Гирц, И. Гофман, А. Шюц, В.В. Волков, Т.И. Заславская, Л.Г. Ионин, В.А. Луков, О.В. Хархордин и др.

С философской точки зрения, которая учитывает переход от классической к неклассической и постнеклассической парадигмам социальной философии, социальная практика должна рассматриваться в контексте следующей концептуальной схемы: «праксис – практика – практики» [4]. В данном случае, праксис – это концепт, который лежит в основе классического субстанциального понимания социальности, раскрывающим сущностную связь человека и мира. Практика – это концепт, на котором основано неклассическое понимание социальности, который характеризует материальную предметно-преобразующую деятельность. Практики – это концепт, раскрывающий постнеклассическое понимание социальности, который указывает на их фундаментальную роль в поддержании социальной жизни, порядка и устойчивости.

В настоящее время в современном социально-гуманитарном знании можно выделить три основных теории, в которых социальные практики рассматриваются в качестве базового исследовательского инструмента: этнометодология Г. Гарфинкеля, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса.

В этнометодологии Г. Гарфинкеля социальные практики рассматриваются как совокупность конкретных рутинных повторяющихся действий индивидов и групп, которые обеспечивают как устойчивость, воспроизводство, массовость и нормативность ролевых моделей поведения, так и устойчивое функционирование социальных институтов [5]. С точки зрения основоположника этнометодологии, социальные практики отличает наблюдаемость, сообщаемость, рефлексивный характер, когда «действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми» [5, с. 9]. Гарфинкель пишет, что социальные практики «состоят из бесконечного, непрерывного, контингентного обучения; что они осуществляются при помощи рутинных действий и вызываются как события в тех же рутинных действиях, которые они описывают; что практики производятся индивидами в тех ситуациях, от знания о которых и от навыков действия в которых (т. е. от компетентности) практики, безусловно, зависят, которые индивиды признают, используют и принимают как данность; и то, что индивиды принимают свою компетентность как данность, само по себе обеспечивает участников знанием об отличительных и специфических характеристиках ситуации и, разумеется, обеспечивает их также

ресурсами, проблемами, проектами и пр.» [5, с. 9]. Фактически социальные практики, если исходить из их функционального значения в жизни индивида, группы и общества, образуют деятельностное основание социального порядка и выступают в качестве своеобразных маркеров, очерчивающих пространство жизнедеятельности индивида и его ресурсную базу.

В теории структуралистского конструктивизма П. Бурдьё социальные практики рассматриваются как способность социальных субъектов соотносить собственные поведенческие акты с доминирующими представлениями об окружающей действительности [6]. С точки зрения французского социолога, социальные практики определяют образ мыслей и поведения индивидов в соответствии с представлениями о нормативности ролевых моделей поведения и их ресурсной обеспеченностью. При этом в качестве данного феномена может выступать как сознательные и целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и повседневные рутинные и неререфлексируемые индивидом поступки. С точки зрения П. Бурдьё, особое значение для понимания социальных практик имеет габитус, который он интерпретирует как исторически порожденные и социально одобренные «принципы, порождающие практики и представления» [6, с. 102]. При этом надо учитывать функциональное значение габитуса, который «представляет собой структурированную систему практических схем, предрасположенную функционировать как структура, формирующая все практики агента таким образом, что они оказываются адаптированными к системе социальных отношений, продуктом которой он является» [7, с. 30]. П. Бурдьё считает, что социальные практики имеют двойственную структуру, т.к. они не только детерминируются социальной средой, но и воздействуют на эту среду, изменяя ее структуру. Следует отметить, что габитус выступает как система диспозиций или когнитивных схем, которую можно формализовать и визуализировать средствами социальной рекламы, широко используемой в качестве инструмента практической реализации молодежной политики.

В теории структуризации Э. Гидденса социальные практики выступают в качестве базовой основы формирования в современном обществе как субъекта, так и социального объекта [8]. Все социальные практики упорядочены в социальном пространстве и времени, привязаны к определенному социокультурному контексту. Они не создаются социальными акторами, а лишь постоянно ими воспроизводятся, как компоненты каких-либо социальных структур. Это позволяет Э. Гидденсу утверждать, что «предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора, и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики» [8, с. 40]. Мир повседневности в таком понимании определяется совокупностью общепринятых социальных практик, составляющих основу повседневной социальной деятельности индивидов. Тем самым, гармонизация и оптимизация социальных практик, рассматриваемых в качестве нормативных моделей поведения, может представлять интерес для молодежной политики в контексте достижения определенного качества жизни молодых людей.

Таким образом, категория «социальные практики» не только позволяет выявить то, как «опривычивание действий в повседневной жизни людей влияет на изменение социальных институтов и социальной структуры общества» [9, с. 279], но и показывает возможности целеориентированного управления данным процессом посредством различных социальных технологий. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что изменение социального положения и системы ценностных ориентаций личности молодого человека в условиях транзитивного общества ведет к изменению его поведенческой активности в широком смысле: «В результате общественных преобразований люди оказываются в ситуации «двойной детерминации». С одной стороны, речь идет о потребности в преодолении препятствий, связанных с разрушением привычных институциональных средств материального обеспечения нормальной жизни – такая ситуация требует конкретных поведенческих реакций, а с другой – имеется, скажем так, позитивная стимуляция, когда ситуация воспринимается в категориях возможностей, а не необходимости» [10, с. 55].

В этой связи представляют интерес теоретические подходы к классификации социальных практик, существующие в современном социально-гуманитарном знании [11]. Прежде всего, необходимо отметить следующий момент: «В целом социальные практики – неотъемлемый компонент жизнедеятельности индивидов, социальных групп в социуме. Социальные изменения, а точнее их направленность, зависят от социальных практик акторов, действия и взаимодействия которых, с одной стороны, воспроизводятся в соответствии с нормами, с другой – представляют непрерывный процесс преобразования социальных структур и социальной жизни» [12, с. 243]. Поэтому могут быть выделены следующие критерии, классифицирующие социальные практики по параметрам их воздействия на различные стороны социальной среды:

- актор социальной практики, в качестве которых выступают как индивиды, так и социальные группы. В соответствии с данным критерием можно выделить практики индивидуальные и групповые;

- степень формализации социальных практик, в соответствии с которым они могут быть формализованными и неформализованными. Формализованные социальные практики имеют четкую структуру и функции, они обеспечивают деятельность значимых для всего общества социальных институтов. Благодаря формализованным социальным практикам, которые закладывают единые нормативные требования к деятельности индивидов, групп и организованных сообществ, достигается стабилизация общества как системы. В свою очередь, неформализованные социальные практики являются продуктом стихийного группового развития и межличностного взаимодействия, преимущественно регулируя жизнедеятельность индивидов и малых групп;

- уровень формализации нормативного основания социальных практик, в соответствии с которым можно вести речь о конформистских и неконформистских практиках. Если первые полностью соответствуют нормам и правилам общественной

жизни, то вторые характеризуются отклонением как от законодательно закрепленных норм, так и от моральных норм и нравственных императивов;

- хронологическая ориентация социальных практик: существуют практики, ориентированные в будущее, на прошлое и на настоящее. При этом эти социальные практики будут представлены на микро-, мезо- и макроуровне социальной системы;

- степень активности акторов социальных практик, в соответствии с которым выделяют пассивные и активные практики. В первом случае практики нацелены только на социокультурное воспроизводство, во втором – на создание социокультурных инноваций, создающих предпосылки для развития индивида, группы и общества;

- наличие риска, который позволяет разделить социальные практики на рискованные и безопасные (как с точки зрения процесса реализации конкретных практик и их вписывания в социальный контекст, так и в плане получаемых результатов и их ценности для социального актора в аспекте соотношения выгод и издержек);

- социальная эффективность, когда социальные практики оцениваются в групповом контексте и по конкретным результатам деятельности группы (например, профессионального сообщества) разделяются на эффективные и неэффективные;

- социальная успешность, дифференцирующая для индивидов все практики на успешные и неуспешные (как с индивидуальной точки зрения, так и в аспекте групповых оценок);

- длительность воспроизводства социальных практик, согласно которому выделяются традиционные и современные социальные практики. Первые являются продуктом исторического прошлого, опираются на этнокультурные традиции и обычаи, сохраняют свою форму и содержание во времени (например, свадебные практики, практики инициации и т.д.). Вторые выступают продуктом современности и показывают варианты индивидуальной и групповой адаптации к радикально изменившимся социальным условиям;

- сфера существования социальных практик, что предполагает выделение их видов в зависимости от места приложения усилий и пространства деятельности: практики экономические, политические, правовые, образовательные, медицинские и т.д.;

- статусно-ролевой критерий, который показывает зависимость социальных практик от статусно-ролевых позиций индивидов и групп, от их ресурсной базы, образа мышления и стиля жизни.

В любом случае, социальные практики эксплицируют доминирующие представления индивидов о принципах и нормативных образцах, на которых базируется существующий социальный порядок. Так, современный канадский философ и культуролог Чарльз Тейлор полагает, что подобные типовые ожидания индивидов по отношению друг к другу формируют «некое чувство взаимного приноравливания, притирания друг к другу в совместных практиках. Это понимание является фактическим и нормативным одновременно: иначе говоря, мы чувствуем,

что такое обычный порядок вещей, но подобное ощущение соседствует в нас с идеей о том, как все должно быть и какие неверные шаги могут дискредитировать общую практику» [13, с. 20]. Такая природа социальных практик позволяет рассматривать их в качестве объекта корректирующего воздействия посредством социальных технологий, что в отношении молодежи фактически означает изменение нормативного основания социальной реальности, которое задаёт параметры взаимодействия индивида и общества.

Выводы. Таким образом, социальные практики позволяют выявить то, как рутинизация социальных действий в повседневной жизни молодых людей влияет на изменение социальных институтов и социальной структуры общества, а также показывают возможности целеориентированного управления данным процессом посредством различных социальных технологий. В целом, это позволяет как задавать нормативные параметры, характеризующие приемлемые показатели уровня и качества жизни молодежи на современном этапе развития общества, так и адекватно описывать актуальное состояние представителей данной социально-демографической группы в структуре общества.

Список использованных источников

1. Рябов В.Б. Теоретические основания исследования качества жизни человека. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2018. Том 3, № 2 (10). С. 51-73.
2. Овсянникова Т.Ю., Преображенская М.Н. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2014. № 1 (25). С. 30-46.
3. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. проблемы измерения и интерпретации. *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 33-42.
4. Дьяков А.А. Практики как предмет социально-философского дискурса. *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2011. № 3. С. 208-213.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
6. Бурдьё, П. Практический смысл; пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
7. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. «Габитус» вместо «сознания»: теория и эксперимент. *Социология: 4М*, 2000. № 12. С. 25-39.
8. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
9. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия. *Знание. Понимание. Умение*. 2012. № 2. С. 276-280.
10. Ковалиско Н. Теория практик, практики и исследование стратификационных порядков. *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2010. № 2. С. 49-63.
11. Волков В., О. Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

12. Антонова Н.Л. Проблема оснований в классификации социальных практик. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки.* 2011. № 1. С. 240-243.

13. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? *Неприкосновенный запас.* 2010. № 1. С. 19-26.

Ткаченко М.І., к.е.н., доцент

доцент кафедри економіки та менеджменту

Вінницький інститут Університету «Україна»

Жукова О.А., старший викладач кафедри бізнесу і права

Вінницький інститут Університету «Україна»

Озоліна А.О., магістрант 2-го року підготовки

спеціальності «Фінанси, банківська справа та страхування»

Вінницький інститут Університету «Україна»

ОЦІНЮВАННЯ ФІНАНСОВОЇ СТІЙКОСТІ ПІДПРИЄМСТВА ТА ШЛЯХИ ЇЇ ПІДВИЩЕННЯ

ASSESSMENT OF FINANCIAL SUSTAINABILITY OF THE ENTERPRISE AND WAYS OF ITS IMPROVEMENT

Анотація. У статті розглянуто методіку оцінювання рівня фінансової стійкості підприємства. Визначено фактори впливу на фінансову стійкість як внутрішні так і зовнішні. Зазначено що управління фінансовою стійкістю підприємства є важливою складовою фінансового механізму. Та запропоновано шляхи щодо покращення фінансової стійкості суб'єкту господарювання.

Ключові слова: фінансова стійкість, фінансова діяльність, фінансовий стан, оцінка фінансової стійкості, показники ділової активності.

Abstract. The article considers the method of assessing the level of financial stability of the enterprise. Factors influencing financial stability, both internal and external, have been identified. It is noted that the management of financial stability of the enterprise is an important component of the financial mechanism. But there are ways to improve the financial stability of the entity.

Keywords: financial sustainability, financial activity, financial condition, evaluation of financial stability, business activity indicators.

Постановка проблеми. В умовах динамічних змін зовнішнього та внутрішнього середовища необхідною умовою для успішної господарської діяльності є контроль за фінансовою стійкістю підприємства. Фінансова стійкість підприємства полягає у його здатності вистояти, протистояти і адаптуватися до дії екзогенних та ендогенних